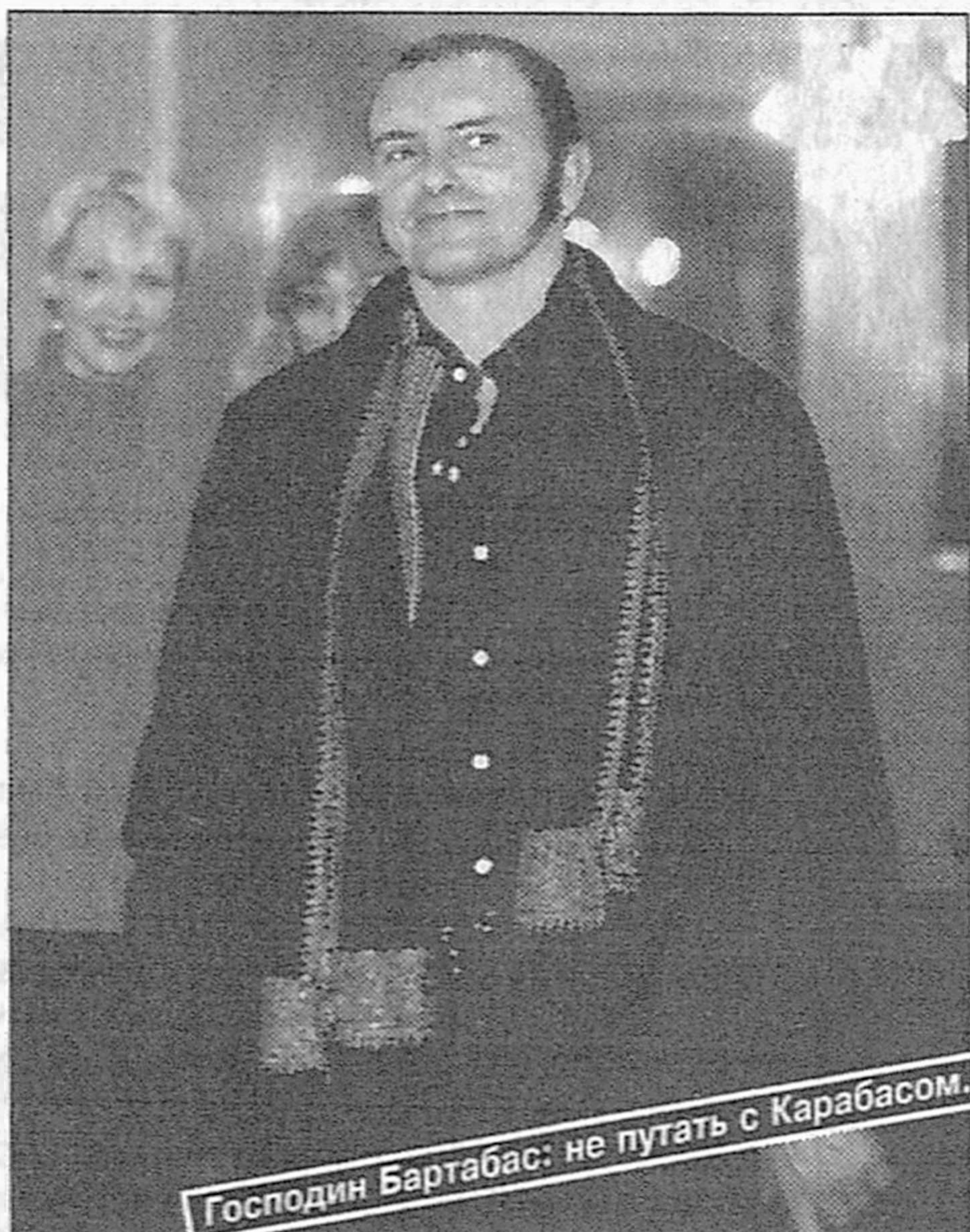

ЛОШАДИНЫЙ КОРОЛЬ КОГДА-ТО БЫЛ РУССКИМ

На днях столицу посетил человек, которого знает весь мир, и только Россия — как белый лист — не подозревает о том, что он готовит переворот в ее общественном сознании. Господин со странным именем Бартабас — основатель и руководитель единственного в мире театра лошадей «Зингаро». Это не цирк. И ни в коем случае не конные трюки. Это театр — неповторимый, невероятный и удивительный. «Зингаро» — это то, что надо видеть.

Бартабас прилетел в Москву на два дня, чтобы проверить, как в Коломенском готовят площадку для работы «Зингаро».

— В Коломенском мы работаем в шапито. Жить будем на пароходе, хотя, как правило, на гастролях мы останавливаемся в фургончиках. Обычно 4—5 месяцев в году мы показываем представления в своем театре под Парижем, все остальное время — гастролируем.

В июне «Зингаро» впервые выступит в Москве на театральной олимпиаде. Сыграет 15 представлений — новый спектакль «Триптих».

— Сколько лошадей прибудет в Москву и каким образом вы будете транспортировать своих четвероногих артистов?

— В «Триптихе» занято 13 лошадей, 7 танцоров и 7 наездников. По Европе мы передвигаемся специальными грузовиками, хорошо оборудованными камерами, кондиционерами. В Россию лошадей доставим самолетами.

То, что мы делаем, на самом деле сложно объяснить даже на французском языке. С одной стороны, нас можно сравнить с хореографической труппой, среди которой работают лошади. У нас нет в спектаклях конкретного сюжета или литературного материала, от которого мы отталкиваемся. Главное — вызвать эмоции, создать образ. Скажу больше, мы говорим с публикой на универсальном языке благодаря именно лошадям.

— А вы не пробовали привлекать в труппу драматических артистов?

— Драматические актеры, как мне кажется, недостаточно проливают пот. Первыми, я помню, нас пригласил на гастроли театр Ежи Гротовского, потому что он понял, что мы не играем, как многие артисты, на шарме, а нас интересует тренинг и как результат его — эмоциональный образ спектакля. Поэзия, зрелищность для нас важнее. В России, где, в отличие от Европы, жизнь сложная, можно сказать, тяжелая, мне кажется, оценят труд и пот, которые стоят за красивым зрелищем.

— Известно, что для лошадей в театре — все лучшее. И особое питание, и содержание. Используется даже солярий для просушивания животных. А как вы подбираете людей?

— Да, к лошадям прекрасное отношение. Когда мы приезжаем на гастроли в новое место, то никогда не сядем есть, если они не накормлены. Конечно, создаем условия адаптации их после дороги. А люди, которые работают по многу лет, подбирались только по одному принципу: у них должно быть желание трудиться и познавать что-то новое. Я хочу сказать, что если передо мной стоит выбор — приглашать человека очень талантливого, профессионально подготовленного или человека, стремящегося узнать что-то новое для себя, то я предпочитаю последнего.

Ведь я работаю с лошадьми не ради лошадей. Лошади — это зеркало, и они отражают то, что есть. Лошади не бывают плохие или хорошие, как не бывают люди плохими или хорошими. Моя задача — выявить в них лучшее, что есть в моих лошадях и людях, и показать это.

— Дрессура в любом случае требует подавления и даже наказания. Как у вас с этим обстоит?

— Моя дрессура — это научить говорить лошадь. Чтобы она понимала буквы, слова и в результате добиться от нее понимания языка, на котором мы с ней общаемся. Наши взаимоотношения с лошадьми можно сравнить с музыкантами и их инструментами. У вас может быть Страдивари, а вы будете играть на ней, как свинья.

И потом, наказывать лошадь — довольно опасное дело, это злопамятное животное, и оно может отомстить в самый неподходящий момент.

— Ваши лошади носят имена великих танцоров прошлого и настоящего — Нижинский, Лифарь, Барышников. Живущие не обижаются?

— Нет, я с этим не встречался. Наоборот, в Париже живет старый танцор Х., так он мне говорил, что очень доволен.

— А как вы считаете, господин Бартабас, среди лошадей есть природжденные артисты?

— Да, я с этим встречался. Некоторые получают кайф от спектакля, от аплодисментов.

Новый спектакль «Триптих» строится в основном на музыке Стравинского. Бартабас уверен, что в его «Псалмах» и «Весне священной» есть что-то подлинно русское, и благодаря этому спектакль необычного театра будет понят русской публикой. Добрый знак он видит в том, что колокольный звон в «Псалмах», когда еще не планировались гастроли в Россию, был записан именно в Коломенском.

— К тому же, — добавляет он, — многие мои французские друзья уверены, что во мне течет русская кровь. Не знаю, откуда они это взяли, может быть, потому что я несколько лет назад снимал в Сибири свой единственный фильм «Шаман»? Но эта версия моих русских корней уже стала легендой, и я не хочу миф развеивать. Все может быть.

Марина РАЙКИНА.